

ПИСЬМА КНЯЗЯ Д. И. ДОЛГОРУКАГО КЪ ОТЦУ

26 іюня 1822 года.

Сегодняшнее письмо, дорогой батюшка, конечно одно изъ самыхъ важныхъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе писать вамъ въ послѣдній разъ послѣ своего возвращенія въ Пруссію. Напрасно прождавъ благопріятнаго случая, чтобы сообщить вамъ подробности моего свиданія съ Сп....*) и держа въ рукахъ ваше послѣднее письмо отъ сего мѣсяца, требующее положительнаго отвѣта о моихъ переговорахъ, который могъ бы руководить вашими дѣйствіями,—я рѣшилъ сообщить вамъ все въ сегодняшнемъ письмѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько бесполезныхъ визитовъ къ Спер...., въ одинъ прекрасный день я встрѣчаю его на набережной. Онъ останавливается и, по своей привычкѣ, начинаетъ спрашивать меня о васъ. Минута была самая подходящая. Я видѣлъ, что онъ никуда не спѣшилъ, что былъ не прочь поговорить подольше. Я выразивъ ему всю свою признательность за его память о васъ, и безъ всякихъ околичностей, воспользовался его словами какъ предлогомъ, чтобы сказать ему, что получилъ отъ васъ нѣсколько писемъ, гдѣ вы жалуетесь на отсутствіе дѣятельности, и что въ послѣднемъ письмѣ вы высказываете желаніе опять вернуться на службу. Я сказалъ ему, что не знаю никого, кто въ этомъ случаѣ принялъ бы въ судьбѣ моего отца большее участіе, чѣмъ Его Превосходительство, и что сегодня же я рѣшаюсь просить его не отказать въ поддержкѣ моему отцу, если онъ вообще ничего не имѣетъ противъ васъ. „Я вполне увѣренъ,—сказалъ Спера.....,—что вашъ отецъ нисколько не сомнѣвается въ усердіи, которое я приложу для исполненія его просьбы, но я совершенно не

*) Графъ Сперанскій, тогдашній министръ юстиціи.

знаю, какой оборотъ приметъ это дѣло, когда перейдетъ на официальную почву. Придется написать письмо Кикину, и возможно, что оно попадетъ сначала въ руки князя Лобанова. Какъ только онъ будетъ у того или другого, нетрудно направить это дѣло въ хорошую сторону, и тогда я охотно повлѣю на князя Лобанова, а въ средствахъ недостатка не будетъ. Во всякомъ случаѣ не одинъ изъ насъ не возьмется прямо просить Имп., потому что эти дѣла должны идти обычнымъ, законнымъ путемъ“ Таковъ его отвѣтъ. Затѣмъ онъ меня спросилъ, какое мѣсто вы желали бы получить и далъ мнѣ повѣсть, что вамъ, вѣроятно, не хотѣлось бы разставаться съ Москвой. Но я не хотѣлъ открывать ему вашихъ намѣреній, потому что это значило бы вступить въ открытые переговоры, а ограничился тѣмъ, что передалъ ему о вашемъ намѣреніи вернуться на службу, прибавивъ, что я совершенно не осведомленъ относительно вашихъ тайныхъ цѣлей.

Теперь то, дорогой батюшка, было бы умѣстно вамъ самому написать Сп... Письмо должно довольно подробно излагать вашу просьбу о поддержкѣ на основаніи моего разговора съ этимъ Министромъ. Можетъ статься, что это письмо попадетъ на глаза Его Вел. Но кто же лучше васъ, любезный батюшка, сможетъ изложить свои мысли! Все таки я думаю, что мѣсто сенатора съ 5.000 рублей жалованія откроетъ вамъ пути къ лучшей карьерѣ, потому что, по моему, стоитъ только поплыть по теченію, а остальное зависитъ отъ кормчаго.—

Такъ какъ Кикинъ первый получитъ вашу челобитную, то у меня есть отличный случай попросить его помочь намъ, а именно черезъ Загряжскую, которая можетъ быть вамъ очень полезной и въ домъ которой я всегда радушно принять. Какъ только просьба попадетъ въ руки князя Лобанова, начнетъ дѣйствовать Сп... и я готовъ вѣрить, что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы быть вамъ полезнымъ. потому что мнѣ показалось, что онъ говорилъ вполне искренно. Но, дорогой батюшка, всесильная судьба заставляетъ меня уѣхать изъ Петербурга. Я назначенъ въ посольство въ Римъ, къ Италинскому, и завтра Имп. рѣшитъ мою судьбу. Я буду получать то же жалованіе, путевыя издержки. должность довольно почетная, но, долженъ заявить, что эта новость, достаточно соответствующая моимъ планамъ, свалилась мнѣ, какъ снѣгъ на голову, такъ какъ я никого не просилъ объ этомъ. Но я постараюсь по мѣрѣ возможности оттянуть свой отъѣздъ, чтобы подождать отъ васъ отвѣта, узнать ваше мнѣніе по этому вопросу и самому отвѣтить вамъ.

Если вы одобрите переводъ мой на другое мѣсто, я приму съ радостью это предложеніе и не буду скрывать своего восторга при мысли о томъ, что скоро увижу прекрасное итальянское небо и буду жить среди искусствъ и наукъ. Я знаю, что это дѣло достовѣрное, но знакомъ съ нимъ только въ общихъ чертахъ, а подробностей своего назначенія не знаю, но какъ только узнаю, не замедлю сообщить вамъ ихъ съ первой же почтой.—Кончаю это письмо, цѣлю васъ, дорогой батюшка, и цѣлюя руки матушкѣ, которую я люблю отъ всей души.

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта на это письмо, потому что считаю его очень важнымъ для себя. Вашъ покорный сынъ

Дмитрій

1822 года, 12 августа, въ 9 часовъ вечера. Кіевъ.

„Нѣтъ, батюшка, нечего вамъ отъ этого листа отодрать“.

Спѣшу сообщить вамъ, дорогой и милый батюшка, о своемъ благополучномъ пріѣздѣ въ Кіевъ, куда я прибылъ не 10 Августа, какъ намѣревался сдѣлать, чтобы поблагодарить Бога за прожитые двадцать пять лѣтъ жизни, а лишь 11-го поздно вечеромъ. Непріятности съ лошадьми и плохія услуги, которыя терпятъ всѣ путешественники на Руси,—все это выводило меня изъ себя, а особенно приключеніе въ Борснѣ, гдѣ мнѣ пришлось ночевать въ коляскѣ и, трясясь отъ холода и умирая съ голоду, поздравить себя съ днемъ рожденія.

„Есть городъ на Руси по имени Борсна,
Въ которомъ не найдешь ни сливокъ, ни вина“:

Подлинно правда. Главнокомандующій первой арміей Сакенъ и главный губернаторъ Малороссіи Репнинъ, изъ которыхъ одинъ, въ сопровожденіи большой свиты, дѣлалъ смотръ войскамъ, а другой ѣхалъ въ Москву, задрали всѣхъ лошадей и почтовыхъ, и крестьянскихъ, и мнѣ пришлось выпрашивать лошадей у „обывателей“, и тащась такимъ образомъ, сносить вещи, выходящія за предѣлы простыхъ непріятностей. Представьте себѣ, что въ Батуриинѣ дѣло дошло до того, что моему слугѣ пришлось сѣсть на козлы, а мнѣ самому,—отправиться разыскивать дорогу, въ каждой деревнѣ наводя справки, правильно ли мы ѣдемъ.

Причиной тому былъ кучеръ, совершенный ребенокъ. Онъ не зналъ дороги, по которой нужно было ѣхать, и не умѣлъ править

лошадьми. Прибавите къ этому дождь, вѣтеръ и грязь, и вы согласитесь, дорогой батюшка, что безпорядки, царящія въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего управленія, дошли до того предѣла, что дальше нельзя ихъ терпѣть.

Остановка въ пути, вызванная неожиданнымъ проѣздомъ двухъ вельможъ, на которую я совершенно не рассчитывалъ. лишила меня возможности сдѣлать крюкъ въ 60 верстъ, чтобы заѣхать къ дядѣ Зелецкому, а кромѣ того, на станціи, гдѣ я долженъ былъ свернуть съ большой дороги, меня увѣрили, что онъ уже уѣхалъ въ Харьковъ.

Эта неудача очень раздосадовала меня, потому что дядя настолько добродѣтельный человѣкъ, что вполне заслуживаетъ, какъ родственниковъ чувствъ, такъ и дани уваженія. Таковы препятствія, мѣшающія бѣдному человѣку, если на его пути встрѣтятся могущественный вельможа.

Невозможно рассказать о всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣтившихъ меня при посѣщеніи могилы покойной тети Зелецкой. Тщетно разспросивъ всѣхъ монаховъ Кіевского монастыря, такихъ же подлинныхъ фари-сеевъ, какъ всѣ монахи на свѣтѣ, наконецъ сегодня я обратился прямо къ намѣстнику Антонію съ просьбой указать мнѣ могилу. Онъ служилъ обѣдню, и онъ же отпѣвалъ и хоронилъ тетю. Онъ узналъ во мнѣ вашего сына прежде, чѣмъ я успѣлъ назвать себя. по одному моему лицу, которое, по его словамъ, есть точная копія вашего.

Онъ сейчасъ же приказалъ *Меркурію* (такъ звали монаха) проводить меня на могилу, и вотъ въ какомъ видѣ я ее нашелъ.

Она въ саду, безъ памятника, окружена плодовыми деревьями. Садъ тихій, запущенный, трава въ немъ по колѣно, нѣтъ ни одной дорожки, которая вела бы къ могилѣ. Этотъ уголокъ, хотя и удаленный отъ главной церкви, все же находится въ оградѣ Печерской лавры, и его трудно, а въ первый разъ и невозможно. найти безъ проводника.

По пути. за 18 сажень до этого мѣста, находится церковь Воздвиженія. При входѣ въ этотъ храмъ, направо. въ стѣну вдѣланъ золоченый подсвѣчникъ въ видѣ рельефной руки, сверху его черепъ, а внизу скрещенныя кости. На подсвѣчникѣ надпись, указывающая мѣсто вѣчнаго упокоенія. Я отдалъ послѣдній долъ *бллой* тетѣ, какъ мы ее называли, и помолился въ монастырѣ о упокоеніи ея души; пропѣлъ

вѣчную память надъ могилой, еще сохранившей изображение этой женщины, такъ любившей жизнь и Бога, источникъ всякой жизни, и тѣмъ заслужившей вѣчную память о себѣ.

Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ я не молился съ большимъ усердіемъ, чѣмъ здѣсь, гдѣ я ясно представлялъ себѣ ее у подножія креста, въ избыткѣ чувствъ, составившихъ утѣшеніе тѣмъ, кто ихъ унаслѣдовалъ. Я дѣйствительно восхищаюсь этой женщиной и все болѣе и болѣе сожалею, что Богъ не одарилъ меня способностью писать. Я написалъ бы ея исторію. Я былъ въ кельѣ у доброй Назареты; она все еще говоритъ о своей бѣдности и о пожарѣ. Вспомнилъ Вассіана и зашелъ къ нему. На томъ мѣстѣ гдѣ, по словамъ монахини, когда то находилась часовня, построенная моимъ предкомъ, теперь возвышается каменная церковь, выстроенная на пожертвованія старой княгини Шаховской.

Меня проводили въ такъ называемую *зеленую* гостинницу. Что же дѣлать? Надо жить, и давать жить другимъ.

Лихачева, бывшая здѣсь со вчерашняго вечера, возвращается въ Москву. Она расскажетъ вамъ, дорогой батюшка, что я у нея обѣдалъ, что мы болтали много и о различныхъ предметахъ, и по моему лицу она должна была видѣть, что я чувствовалъ себя счастливымъ въ обществѣ людей, которые знаютъ мою семью и дорожатъ ею.

Я чувствую себя прекрасно. Что подѣлываетъ Классенъ? А крошка Антонины? Съ зарей я уѣду отсюда, и дамъ вамъ вѣсточку о себѣ изъ Радзивилова. Цѣлую матушку, тетушку, всю семью.

„Да будутъ очи его отверзты на домъ нашъ и день и ночь. Итакъ прощайте, любезный батюшка.

Цѣлую ваши ручки и поручаю себя въ благословеніе ваше. обнимаю васъ отъ всей души.

Мой поклонъ нянѣ, ее препоручаю, батюшка, въ особенную вашу милость.“ Вашъ покорный и преданный

сынъ Дмитрій,

Радзивиловъ, 1822 года, 19 августа.

Дорогой и милый батюшка, совершенно противъ своего желанія посылаю это письмо съ нашей границы такъ поздно.

Я пріѣхалъ въ Радзивиловъ 15-го поздно вечеромъ, сегодня утромъ отправился въ таможду, чтобы провѣрить свой паспортъ, и каково же было мое изумленіе, когда мнѣ заявили, что мой слуга не помѣченъ въ моемъ паспортѣ и что ему не разрѣшается переѣхать границу. Можете себѣ представить, въ какомъ я затрудненіи! Напрасно я обращался ко всѣмъ вліятельнымъ лицамъ въ городѣ, никто не могъ мнѣ помочь. Въ концѣ концовъ пришлось отправить нарочнаго въ Житомиръ за 315 верстъ, съ настоятельной просьбой къ тамошнему губернатору немедленно снабдить меня пропускомъ для этого челоуѣка.

Я поручилъ это Дмитрію, и принужденъ отдать ему должное: онъ совершилъ эту поѣздку съ удивительнымъ проворствомъ.

Представьте себѣ, что отсюда онъ уѣхалъ 16-го въ 3 ч. дня, и на другой день въ 10 ч. утра онъ былъ уже мѣстѣ своего назначенія. Не заставши губернатора въ городѣ, онъ только сегодня привезъ мнѣ необходимыя бумаги вмѣстѣ съ письмомъ отъ Его Превосходительства. Это обстоятельство, нанесло моему карману ущербъ въ 150 рублей, но все таки я не теряю надежды безъ замедленія доѣхать до Рима. Поэтому умоляю васъ дорогой, батюшка, не тревожьтесь по этому поводу, потому что нѣтъ къ тому уважительныхъ причинъ.

Тѣмъ временемъ я имѣлъ возможность познакомиться съ жителями Радзивилова, и признаюсь, что немногіе провинціальныя русскія города могутъ похвалиться такимъ прекраснымъ подборомъ чиновниковъ.

Завѣдующій тамождой—Кавецкій, женатъ на молодой и очень милой особѣ, выросшей въ домѣ графа Бутурлина.

У нихъ я каждый день обѣдалъ, проводилъ всѣ вечера. Слѣдовательно, я имѣлъ возможность хорошо узнать семью Бутурлина и завязать знакомство съ обитателями Флоренціи. Сердечный приемъ, оказанный мнѣ этой милой семьей, сдѣлалъ мое пребываніе въ этомъ городѣ очень пріятнымъ.

Наконецъ то, дорогой батюшка, я готовъ покинуть родину. Испытываю чувство живѣйшаго сожалѣнія, особенно, какъ подумаю, что совершенно неизвѣстно, когда то удастся намъ снова увидѣться. Не желая наполнять письмо бесполезными жалобами, скажу въ нѣсколькихъ словахъ, что было много неприятностей по пути отъ Кіева до русскихъ пограничныхъ мѣстечекъ; мы были предоставлены евреямъ, а они стараются заработать на всемъ, и подчасъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Кромѣ того цѣна нашихъ денегъ постоянно мѣняется, и вы никогда не знаете точно, сколько у васъ въ карманѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ путешествіе невыносимымъ. И погода мнѣ тоже не благопріятствовала. Безконечные дожди размыли дороги, а утренние холода были иногда такъ сильны, что едва хватало всего моего платья, чтобы отогрѣть оочень члены. А погода не мѣняется: выпало нѣсколько ясныхъ дней, а потомъ небо снова покрылось тучами. Но если бы страны, черезъ которыя мнѣ придется проѣхать, показали мнѣ во всемъ своемъ блескѣ, теперь меня не проведешь. Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ, какъ меня встрѣтилъ Константинополь, но—конецъ дѣлу вѣнецъ—а въ концѣ концовъ намъ пришлось выѣхать оттуда подъ грохотъ пушекъ.

Проѣзжая черезъ станцію Козелець, я не забылъ занести въ свою записную книжку имя ея содержателя смотрителя.

Это нѣкто Габеръ, хорошо знавшій васъ въ то время, какъ вы съ вашей покойной матерью жили въ Семеновскомъ полку. А самъ онъ былъ когда то придворнымъ лакеемъ.

Теперь онъ живетъ здѣсь въ деревнѣ, гдѣ имѣетъ очень хорошій домикъ. Онъ вспоминалъ матушку, ея доброту, говорилъ, что она давала его дѣтямъ платья и много другихъ вещей.

Мѣстные евреи похожи на одесскихъ мухъ. Они безпрестанно жужжать вамъ что-то на ухо, и нѣтъ другого способа отъ нихъ отдѣлаться, кромѣ ругательствъ, а лучше всего—побоевъ.

Горизонтъ, который развертывается передо мной, неподвиженъ. Путешественники говорятъ, что я нахожусь у райскихъ вратъ, и я хотѣлъ бы имъ вѣрить. Значитъ, я собственными глазами увижу учрежденія, о которыхъ слышалъ столько хорошаго, и отнесусь къ нимъ безпристрастно, по принципамъ справедливости, одинаковой для всѣхъ народовъ.

Здѣсь есть полная возможность узнавать всѣ политическія новости. Вчерашнія газеты между прочимъ сообщаютъ о внезапной смерти лорда Кэстль-Лондондери (Castle-Londonery). Послѣдній часъ пробилъ для него въ пути, когда онъ ѣхалъ на Вѣнскій конгрессъ.

Я чувствую себя дорогой батюшка, слава Богу, вполне хорошо, и безропотно переношу дорожную усталость (1300 верстъ!), благодаря своимъ физическимъ силамъ. Мои любезные, сверхъ-любезные хозяева и сегодня просятъ отобѣдать у нихъ, и тотчасъ же послѣ обѣда я отправляюсь въ путь. Конечно таможенъ не придется возиться съ моими вещами.

Стало бытъ вы получите изъ Вѣны, а можетъ быть и изъ Лемберга первыя вѣсти обо мнѣ изъ заграницы. Не условившись съ вами заранѣе, я нахожусь въ полной неизвѣстности относительно вашихъ писемъ ко мнѣ, и умоляю васъ, дорогой батюшка, по мѣрѣ возможности не запаздывайте съ извѣстіями изъ дому и не оставляйте меня въ полной неизвѣстности относительно состоянія здоровья нашихъ больныхъ.

Моя повозка совсѣмъ разрушается. Ни одинъ гвоздь не сидитъ крѣпко, всѣ недостатки налицо. Но такъ какъ на пути, по которому я поѣду, вездѣ есть почтовые кареты, я все таки доѣду до мѣста назначенія.

Кончаю свой отчетъ, цѣлую вамъ ручки, дорогой, дорогой батюшка, а также и матушкѣ. Цѣлую всѣхъ своихъ и посылаю свой почтительный привѣтъ княгинѣ Куракиной, а также князю Жоржу и всѣмъ его домочадцамъ. Поклонъ нянѣ Катеринѣ. Остаюсь, испрашивая вашего благословенія, вашъ на вѣки покорный и преданный сынъ

Дмитрій

Никакъ не предполагалъ, любезный батюшка, чтобы мое первое письмо, по волѣ случаю, пришлось послать вамъ изъ *Турина*. Но такъ случилось, я попалъ въ Туринъ, чтобы отсюда ѣхать въ Неаполь. Приѣхавъ въ Вѣну въ то время, какъ посольство находилось уже тамъ, я получилъ дальнѣйшій приказъ; черезъ двѣ недѣли былъ готовъ къ отъѣзду, а теперь посѣщаю всѣхъ посланниковъ. Графъ *Моренно*, въ кабинетъ котораго я пишу вамъ сейчасъ, разрѣшилъ мнѣ остаться здѣсь часа два, и я пользуюсь случаемъ, чтобы дать вамъ вѣсточку о себѣ и сказать, что я чувствую себя прекрасно.

Единственная неприятность, которая случилась со мной послѣ того, какъ я покинулъ родину, это крайняя необходимость, побудившая меня разстаться съ моимъ лакеемъ; я имѣлъ несчастіе отнять его у родной семьи для того, чтобы отдать въ руки вѣнской полиціи. Какой то полякъ погубилъ его, вскружилъ ему голову, обѣщая свободу и тысячи преимуществъ, которыя она даетъ. Мой слуга пересталъ меня слушаться, запилъ, надѣлалъ долговъ, которые подъ конецъ достигли 150 флориновъ, и уѣзжая, мнѣ пришлось заплатить ихъ. Послѣдней каплей, переполнившей чашу моего терпѣнія, было безчинство, учиненное имъ въ гостинницѣ, гдѣ я остановился; имя Императора, о которомъ онъ кричалъ во всеуслышаніе и господъ, которыя онъ всюду приплеталъ. Я обратился въ полицію, потому что какъ только я захотѣлъ наложить на него домашній арестъ, онъ схватилъ въ руки ножъ и заявилъ, что скорѣе убьетъ себя, чѣмъ станетъ служить кому нибудь, кромѣ Императора. Такъ какъ нашъ Государь находится въ городѣ, то боязнь, какъ бы онъ не дошелъ до того, чтобы на самомъ дѣлѣ жаловаться Императору, въ концѣ концовъ заставила меня принять рѣшительныя мѣры. Но, къ несчастію, въ ту минуту, какъ полиція взяла его, я получилъ приказъ ѣхать гонцомъ въ Неаполь. Не зная, какъ поступить, я обратился къ графу Головкину, которому передалъ его паспортъ для возвращенія въ Россію, и, оставленные у меня вещи. Такимъ образомъ теперь онъ находится подъ покровительствомъ русскаго посольства. Подробности откладываю до другого дня, любезный батюшка. Сегодня ограничусь тѣмъ, что скажу вамъ, что посланникъ вполне вознаградилъ мое пребываніе въ Вѣнѣ, и далъ мнѣ 250 дукатовъ на путевыя издержки до Неаполя. Оттуда я отправлюсь на мѣсто моей службы въ Римъ, и поспѣшу заказать тамъ свои визитныя карточки.

Меня тяготитъ отсутствіе извѣстій отъ васъ. Но я надѣюсь получить ихъ въ Римѣ, откуда подробно опишу вамъ все, что меня касается. Пока прощайте, дорогой батюшка. Нужно укладывать вещи, чтобы отправляться въ дорогу. Колеса моей коляски пока служатъ прекрасно, все остальное засорено.

Цѣлую ваши руки, цѣлую матушку, и остаюсь вашъ всегда послушный и преданный сынъ

Д м и т р і й.

Туринъ 15/27 1822 года

Получено изъ Вероны 10 Ноября,

Флоренція, 18/10 сентября 1822 года.

Дорогой батюшка, написавъ вамъ изъ Турина, спѣшу сообщить изъ Флоренціи, что я пріѣхалъ сюда сегодня утромъ и что мое путешествіе благополучно во всѣхъ отношеніяхъ.

Я пробуду здѣсь такъ недолго, что не смогу подробно рассказать вамъ о себѣ; я уѣзжаю сегодня же вечеромъ и черезъ 3 дня надѣюсь быть въ Неаполѣ. Я видѣлъ здѣсь графа Бутурлина, поѣду къ Демидову—отцу, потому что сынъ теперь въ Парижѣ, гдѣ собирается жениться на французенкѣ.

Говорятъ, она высокаго происхожденія, добра и богата, но, по слухамъ, двоюродный братецъ не получилъ отъ отца полного согласія на этотъ бракъ.

Говорятъ, Флоренція и ея окрестности прелестны, но 3 дня леть такой дождь, что нѣтъ никакой возможности провѣрить это мнѣніе. Какъ только я ступилъ на альпійскіе снѣга, воображеніе ужъ перенесло меня къ кратеру Везувія. Города, древности, проходятъ передо мною, какъ тѣни; я все-таки успѣлъ хорошенько разсмотрѣть Венеру Кановы и Медицейскую.

Этимъ я пока и ограничусь, дорогой батюшка. Прошу васъ не сѣтовать на меня за эти немногія строки, потому что вы получите подробный отчетъ о моемъ путешествіи въ день моего возвращенія изъ Неаполя въ Римъ. Итальянскій сопровождаетъ Императора на конгрессъ, но я не назначенъ въ свиту. Отсутствие извѣстій отъ васъ очень огорчаетъ и заботитъ меня. Все таки надѣюсь, что Господь хранить васъ всѣхъ въ добромъ здоровьи, и тысячу разъ желаю вамъ сохранить его, цѣлую ваши руки, цѣлую всю нашу семью и остаюсь вашъ всегда покорный и послушный сынъ

Д м и т р і й

Получено изъ Вероны, въ субботу, 28-го.

Римъ, 25 Октября/16 Ноября 1822 года.—

Чѣмъ, дорогой батюшка, начать мнѣ свое первое письмо изъ Рима, если не выраженіемъ грусти, которую я испытываю, такъ давно не получая извѣстій отъ васъ. Вотъ ужъ 3 мѣсяца, какъ я покинулъ

родину и все это время нахожусь въ полной неизвѣстности, касательно васъ. Особенно тревожить меня то состояніе, въ которомъ я оставилъ родной домъ, участь больныхъ не даетъ мнѣ покоя. Неизвѣстность, самая большая бѣда, которая существуетъ для меня, отравляетъ мнѣ всякое удовольствіе. Напрасно я уютно усаживаюсь къ камельку, — онъ навѣваетъ мнѣ только печальныя воспоминанія; напрасно мои взоры обращаются къ прекрасному небу Италіи, оно не въ силахъ заглушить моего безпокойства. Въ этомъ отношеніи въ Константинополѣ было лучше.

Начальникомъ моимъ былъ родной дядя, я былъ окруженъ лицами, хотя чужими мнѣ по крови, но все таки раздѣлявшими со мной мое одиночество. А Италія заставляетъ меня сильно чувствовать то, что зовется тоской по родинѣ.

Вы, конечно, простите меня, дорогой батюшка, за то, что я до сихъ поръ молчалъ, если узнаете, что съ самаго отъѣзда моего изъ Петербурга, я только въ Вѣнѣ улучилъ минуту *отдыхи!* и что до сихъ поръ не было случая подробно описать вамъ мой пріѣздъ и пребываніе въ этомъ городѣ. Все время уходило на разъѣзды, до крайности утомительные, и, къ стыду моему, долженъ сознаться — надоѣвшіе мнѣ.

Наконецъ то я устроился на мѣстѣ своего назначенія. Въ день отъѣзда, на сѣверѣ, я былъ далекъ отъ мысли о томъ, что моя путеводная звѣзда приведетъ меня къ кратеру Везувія и что, не имѣя ни обола въ карманѣ, я буду, какъ богатый вельможа, любоваться чудными окрестностями Неаполя, со вниманіемъ, достойнымъ археолога, разсматривать греческія и римскія древности и мечтательно-настроеннымъ умомъ и замирающимъ сердцемъ восхищаться памятниками народовъ, отъ которыхъ въ нашъ вѣкъ не осталось ничего, кромѣ этихъ краснорѣчивыхъ обломковъ.

Задержка по пути въ Вѣну нанесла мнѣ въ денежномъ отношеніи безпримѣрный ущербъ. Она обошлась мнѣ въ 250 голландскихъ дукаатовъ, кромѣ расходовъ на дорогу. Я вернулся наканунѣ пріѣзда Императора и сейчасъ же получилъ приказъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій отъ Посольства. Вскорѣ мнѣ было поручено ѣхать въ Неаполь, и вотъ я ѣду черезъ Миланъ, Туринъ, Флоренцію, Римъ! Въ качествѣ гонца, я снова очутился въ своей разбитой коляскѣ, и покинувъ городъ, оставившій самое тяжелое воспоминаніе, благодаря тому, что пришлось отдать православнаго христіанина въ руки австрійской по-

лиціи. Но учиненныя имъ безчинства, мое имя, которое неминуемо должно было пострадать отъ этого и особенно присутствіе нашего Монарха, все это заставило меня принять такія рѣшительныя мѣры. Во всякомъ случаѣ онъ самъ былъ виноватъ. Какой то полякъ, дрянной человѣкъ, убѣдилъ его подать челобитную Императору и произносить рѣчи, которыя многіе слушали черезчуръ внимательно. Онъ дошелъ до того, что по ночамъ шумѣлъ на улицѣ и во всеуслышаніе заявлялъ о своемъ намѣреніи, въ качествѣ угнетеннаго броситься къ ногамъ своего Государя. Однажды онъ сѣлъ на извозчика, крича ему по русски „Императоръ“. Тотъ понялъ „въ Пратеръ“, и благополучно отвезъ его къ этому дворцу. Но глупое начало кончилось трагически. Такъ какъ его нелѣпое неповиновеніе достигло высшаго предѣла, я обратился къ помощи полиціи, которая взяла его силой, и со шпагами наголо, передъ однимъ человѣкомъ проявивъ храбрость, достойную неаполитанскихъ карбонаріевъ. Это случилось наканунѣ того дня, какъ я получилъ приказъ приготовиться къ отъѣзду. Долги, которые надѣлалъ мой слуга, превышали 100 флориновъ; мнѣ самому предстояло расплачиваться въ гостинницѣ, гдѣ не забыли о томъ, что я князь—печальный титулъ при тощемъ кошелькѣ!—неудобства, которыя приходилось переносить безъ слуги, наконецъ необходимость на спѣхъ искать другого и хлопотать о его паспортѣ,—вотъ всѣ мои напасти, и я пришелъ бы въ отчаяніе, если бы не полученные на дорогу деньги, которыя дали мнѣ возможность расплатиться съ долгами и такимъ образомъ выйти изъ величайшаго затрудненія.

А между тѣмъ изъ полиціи мнѣ дали знать, что мой человѣкъ сошелъ съ ума и что признаки его безумія такъ тяжки, что его пришлось перевести въ больницу. Какъ быть? Не особенно вѣря этому, я самъ отправился въ тюрьму, намѣреваясь взять его оттуда, если не оправдаются предположенія полиціи, но что же мнѣ оставалось дѣлать, если, при видѣ меня, онъ въ моемъ присутствіи и при полицейскихъ заявиль, что увѣренъ въ томъ, что я хочу его убить! Онъ былъ въ высшей степени изступленія. Платье разорванное имъ въ припадкѣ бѣшенства и угрожающія движенія пальцевъ отняли у меня надежду на выздоровленіе этого человѣка. Онъ падалъ на землю и кричалъ, что онъ скорѣе убьетъ себя, чѣмъ останется на службѣ у меня. Докторъ думаетъ, что у него лихорадка. Тогда то я подумалъ, что обязанъ обратиться за помощью въ наше посольство въ Вѣнѣ. Я все рассказалъ графу Головкину, но онъ отказался устроить это дѣло. Можетъ быть, онъ уже тогда рѣшилъ уѣхать путешествовать въ Швейцарію. Но я все таки оставилъ въ посольствѣ паспортъ слуги и нѣко-

торыя бывшія у меня вещи и уѣхалъ съ нанятымъ мною нѣмцемъ, котораго мнѣ рекомендовали въ посольствѣ. Пока я еще не имѣлъ повода раскаиваться въ томъ, что взялъ его. А то непріятное приключеніе, возбуждившее множество толковъ, не замедлило получить огласку въ городѣ: одни думали, что онъ укралъ мои бумаги и вещи, другіе говорили, что онъ хотѣлъ меня убить, и т. д., и т. д.

Вотъ вамъ, дорогой батюшка, повѣствованіе о моихъ приключеніяхъ съ Дмитріемъ. Я раскаиваюсь въ томъ, что не послушалъ вашего совѣта и принялъ на службу человѣка, у котораго оказался такой плохой характеръ, вслѣдствіи чего мнѣ пришлось пережить такое испытаніе. На дняхъ я получилъ извѣстія о немъ отъ Абрѣзкова, нашего уполномоченнаго въ Вѣнѣ. Я прилагаю здѣсь его письмо, а также мой отвѣтъ. Я оставилъ бы этого человѣка, какъ онъ того заслуживаетъ, на произволь судьбы, если бы не его преклонный возрастъ и обѣщаніе не оставлять, данное его смѣѣ, не запрещали мнѣ этого.

Вѣна прелестный городъ, а всѣ женщины здѣсь, если только онѣ не стары, очень хорошенькія. Пратеръ прекрасное мѣсто для гулянья, но старыхъ германскихъ обычаевъ уже нѣтъ. Теперь это сборище изящныхъ женщинъ, гуляющихъ пѣшкомъ, и знатныхъ дамъ, катающихся въ экипажѣ.

Князь Козловскій считаетъ, что середины совсѣмъ нѣтъ.—Улицы Вѣны кишатъ народомъ.

Яркое освѣщеніе и особенно выставки магазиновъ, которыя вѣнцы умѣютъ такъ красиво убраться и которыя помѣщаются скорѣе на улицахъ, чѣмъ въ лавкахъ, все это дѣлаетъ городъ похожимъ на волшебный фонарь. Позвольте сдѣлать одно пустое, можно сказать, ребяческое замѣчаніе: вывѣски магазиновъ заслуживаютъ вниманія. Они изображаютъ Бога, Св. Дѣву и Св. Духа рядомъ съ Венерой, золотымъ тельцомъ и Францискомъ I. Собаки, даже во время службы, свободно разгуливаютъ по церквамъ. Странное зрѣлище для христіанина, воспитаннаго на другихъ правилахъ религіи! Въ этомъ ли вѣротерпимость нашего вѣка?—Я былъ на представленіи Маріи Стюартъ. До чего геніалень Шиллеръ! Но вѣнскую публику нелегко расшевелить, она охотнѣе будетъ смѣяться надъ фарсомъ, чѣмъ плакать отъ восторга передъ красотой. Головкинъ прекрасно васъ помнитъ. Я не преминулъ сказать ему, что и вы храните воспоминаніе о немъ.

Я проѣзжалъ черезъ Туринъ, его горизонтъ составляютъ покрытыя снѣгомъ Альпы. Мнѣ казалось, что я вижу женщину, которая сдѣлала столько зла Франціи;—вижу, какъ она съ блестящими глазами и свѣтильникомъ заблужденій въ рукахъ бросается съ ихъ высотъ на Пьемонтъ, и несетъ съ собой соблазнъ и возмущеніе. Я воспользовался временемъ, даннымъ мнѣ графомъ Морениго на приготовленія къ поѣздкѣ, и отправилъ вамъ письмо, объ участи котораго я еще ничего не знаю.

Я осматривалъ знаменитую картинную галерею во Флоренціи. Видѣлъ Венеру Медицейскую, но по моему эта статуя (пожалуйте мой вкусъ), искаженная временемъ и наперекоръ ему изуродованная людьми, вовсе не великое произведеніе искусства.

Я нахожу, что ея поза неестественна. Я уже писалъ вамъ о ней, дорогой батюшка, въ письмѣ изъ Флоренціи.

Римъ я проѣзжалъ ночью, а весь путь изъ Вѣны до Неаполя совершилъ въ 12 дней. Въ Неаполѣ то я и ушелъ съ головой въ древности и не могъ оторвать жадныхъ взоровъ отъ Геркулеса Фарнезскаго.

Окрестности Неаполя—единственныя въ своемъ родѣ по красотѣ, но мнѣ больше нравится видъ Константинополя; онъ въ одно и то же время суровъ, страненъ, величественъ! Неаполитанскія поля богаты драгоценными памятниками, ихъ слѣдуетъ изучать внимательно и по порядку. Я не разъ былъ тамъ, насколько это позволили мнѣ мои средства и восьмидневный срокъ. Я былъ и въ гротѣ Сибиллы.

Это огромная пещера, а подземелье, ведущее къ ней отъ древняго города, по имени котораго она названа, теперь представляетъ изъ себя груду развалинъ и тянется на нѣсколько верстъ.

Но все это покрыто лавой. Окрестности Авернскаго озера, мѣста, гдѣ по Вергилію благочестивый Эней спускается въ адъ, производятъ сильное, очень грустное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что я вижу, какъ хитроумный Уллисъ, мудрый Несторъ и безстрашный Ахиллесъ садятся въ лодку Харона. Мысли, внушаемая безчисленными развалинами, оставшимися отъ такого великаго народа, и особенно размышленія о ничтожествѣ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, овладѣваютъ вами здѣсь съ особенной силой. Кажется, что природа смѣется надъ человѣкомъ! Я при-

зываетъ великія тѣни и воздухъ надъ авернскими водами, казалось, зашевелился вокругъ меня. Мнѣ показали могилу Вергилія. Это пещера, въ которой не растетъ ни одной былинки.

Мнѣ показали бани Нерона. Это совершенно русская баня. Меня провели въ подземелье, въ концѣ котораго находится прудъ съ кипящей водой. Я вышелъ оттуда съ раскраснѣвшимся лицомъ, покрытымъ крупными каплями пота.

Помпея самое классическое мѣсто на свѣтѣ. Вы видите тамъ дома со всѣми принадлежностями, могилы съ богами и ихъ алтарями; театры съ ихъ ложами и обширными переходами, покрытыя живописью стѣны и мозаичные полы. Вы чувствуете себя въ городѣ, какъ бы только что обращенномъ въ ирахъ. Даже мостовая сохранилась. Можно узнать гостинницы, лавки съ вывѣсками!

Здѣсь Зевсовъ куполь цѣль! Духъ Цезаревъ исчезъ!

Геркуланумъ погребенъ подъ землею. Туда спускаются съ факелами, чтобы полюбоваться чудовищныхъ размѣровъ театромъ. Надъ вашей головой стучать экипажи, и новый городъ веселится надъ тѣмъ, котораго уже нѣтъ!

—Piano, piano!—кричалъ я своему проводнику, когда веревка ослабѣвала или подъ ногами разсыпался кусокъ лавы. Наконецъ я въ двухъ шагахъ отъ кратера.

Дымящіеся обломки сѣры, почва покрытая пепломъ и шлакомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ влажная, въ другихъ раскаленная; огромный бассейнъ наполненный горючими и, можно сказать, живыми веществами, безпрестанно выбрасывающій пламя и камни; громадное отверстие, изъ котораго бушующій потокъ лавы низвергнулся когда-то къ самому Неаполю; теперь это каменная масса, застывшая во время самаго движенія; съ такой высоты покрытое кораблями море кажется зеркаломъ, а весь видъ пріобрѣтаетъ безпредѣльные размѣры: таковъ Везувій! Я поднимался на него вмѣстѣ съ графомъ Людольфомъ, бывшимъ посланникомъ въ Константинополь, съ которымъ мы когда то вмѣстѣ смотрѣли танецъ дервишей. Странно, какъ судьба сталкиваетъ людей! Мы употребили полчаса, чтобы взобраться на Везувій и остановиться у пустытника. находящагося на полпути отъ долины до кратера. Я держался за веревку, привязанную къ шеѣ проводника. Онъ шелъ впереди, выбирая надежныя мѣста, на которыя я могъ бы сту-

пить, такъ какъ мои ноги разѣжались въ стороны отъ усталости и подвижности почвы. Я не осмѣливался взглянуть ни внизъ, ни вверхъ. Мы спустились въ 5 минутъ. Невозможно было остановиться. Всѣмъ тѣломъ откинувшись назадъ, съ ногами, по колѣна погруженными въ песокъ, мы скользили съ высоты, какъ катаются съ русскихъ горъ.

Прошлогоднее изверженіе образовало два новыхъ кратера. Какой то молодой человѣкъ, французъ, въ порывѣ отчаянія бросился въ одинъ изъ нихъ. Минуту спустя проводникъ видѣлъ, какъ вулканъ выбросилъ несчастнаго обратно. Его тѣло обратилось въ кусокъ угля.

Нѣтъ ничего грязнѣе Неаполя и его „ладзарони“, которыхъ насчитываютъ до 40 тысячъ человѣкъ; они питаются макаронами, и большинство изъ нихъ не имѣетъ ночлега и спитъ на улицахъ; они одни способны были бы произвести настоящую революцію. Я видѣлъ также религіозную процессію. Деревянную статую Богоматери, въ половину натуральной величины, съ французской прической и короной на головѣ, одѣтую въ платье античнаго покроя и украшенную жемчугомъ и брилліантами, носили по улицамъ Неаполя. Впереди шель маленькій ребенокъ въ одеждѣ воина. На немъ была каска, щитъ и шпага. Крики женщинъ и звуки литавровъ сопровождали это странное шествіе.

Въ Неаполѣ мало русскихъ. Первое мѣсто занимаетъ Хитрово, рожденная Кутузова-Смоленская. Ея младшая дочь замужемъ за графомъ Фикельмонтомъ, австрійскимъ посломъ въ Неаполѣ. Я встрѣтилъ здѣсь Бецаго, моего товарища по службѣ въ Константинополѣ. Онъ находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ одной актрисой, по имени Дарданелли. Эта связь вызвала прелестную остроумную шутку. Думали, что въ Греціи дѣла плохо идутъ. „Вовсе нѣтъ“, отвѣтилъ кто-то „греки переплыли Дарданеллы“.

Дорога отъ Неаполя до Рима не совсѣмъ безопасна. Разбойники-хозяйничаютъ на ней, грабятъ, а иногда и убиваютъ путешественниковъ. Повсюду встрѣчаешь сторожевые посты, и мнѣ самому пришлось взять четырехъ конвойныхъ для нѣкоторыхъ опасныхъ переѣздовъ. Ѣхать приходится черезъ болота, горы и кустарники, между древнихъ развалинъ, и все это имѣетъ поразительно мрачный видъ. Меня ободрилъ любезный пріемъ, оказанный мнѣ д'Убри, посломъ въ Неаполѣ. Я каждый день бываю у св. Карла. Такъ называется самый лучший театръ въ Италіи. Туда отправляются, чтобы провести вечеръ, а въ ложахъ дамы принимаютъ всевозможныхъ посѣтителей.

Получается нескончаемое *точило*. Этотъ обычай въ бблшей или меньшей степени распространенъ по всей Италіи. Г-жа Флдоръ, которая даетъ тонъ всему Неаполю, чародѣйка, и вполнѣ заслуживаетъ восторженныхъ похвалъ, расточаемыхъ всей Европой.

Вотъ вамъ. дорогой батюшка, отчетъ гонца. Я писалъ его съ искреннимъ желаніемъ на нѣсколько минутъ развлечь васъ.

Недостатокъ времени и особенно моя система осматривать древности, вполнѣ противоположная системѣ наводняющихъ Римъ англичанъ, которые, какъ одержимые. мечутся изъ стороны въ сторону. и смотря все сразу, эта система не дозволяетъ мнѣ подробно рассказать вамъ объ этой усыпальницѣ амиенцевъ. Все таки я видѣлъ прекраснѣйшее произведеніе новаго времени, и соборъ св. Петра производитъ впечатлѣніе, превосходящее самую пылкую фантазію. О немъ столько говорили, что я не смѣю открыть рта. Я былъ ошеломленъ, войдя туда. Я никогда не видалъ, чтобы такое огромное пространство было ограничено стѣнами. А размѣры этого храма такъ хорошо согласованы, что предметы, казавшіеся маленькими на разстояніи 20 шаговъ, уничтожали меня, по мѣрѣ того, какъ я къ нимъ приближался, потому что вблизи они оказывались гораздо больше меня самого¹⁾.

Не спрашивайте меня о римскомъ обществѣ. Никогда еще необходимость общенія съ нимъ не была для меня такъ чувствительна. Я нахожу, что съ нѣкоторыхъ поръ знакомство съ людьми опошляется, а именно тогда, когда приходится спрашивать и отвѣчать на вопросы о Колизеѣ, Пантеонѣ и другихъ памятникахъ, составляющихъ славу прошлыхъ вѣковъ и позоръ и отчаяніе нашего. Кромѣ того, почти всѣ еще въ деревнѣ, потому что погода еще такъ хороша, что окна у меня открыты, а деревья и розы продолжаютъ цвѣсти. Ни одно облачко не показывается на синевѣ небесъ.

Италинскій, котораго всѣ восхваляютъ, уже старикъ не слишкомъ чувствительнаго характера, и ужъ не можетъ обойтись безъ внимательнаго ухода, а поѣтому имѣетъ жену, которая ходитъ за нимъ по пятамъ, а онъ ея покорный слуга. поѣтому онъ часто не воленъ въ своихъ поступкахъ; потому не пожелалъ, чтобы я поселился у

¹⁾ Сидящій на мраморномъ престолѣ Апостоль—это древняя статуя Зевса Громовержца.

него, хотя въ домѣ, который онъ занимаетъ, могло бы помѣститься больше народа, чѣмъ служить въ посольствѣ. Это было бы очень удобно для меня, особенно черезъ нѣкоторое время, и болѣе, нежели существенно, но что касается Италинскаго, то, отказавъ мнѣ въ пріютѣ у себя, онъ вознаградитъ меня прибавкой жалованья. По крайней мѣрѣ, онъ обѣщаль сдѣлать это по возвращеніи съ конгресса въ Римъ.

Демидовъ—отецъ только что вернулся въ Римъ, и, по слухамъ, привезъ съ собою *труппу французскихъ комедіантовъ* для развлеченія римскаго общества.

Проѣздомъ черезъ Флоренцію я въ первый разъ увидаль этого дядюшку, и мнѣ показалось, что онъ отнесся равнодушно къ знакамъ вниманія, оказаннымъ ему единственно въ память тѣхъ хорошихъ отношеній, которыя его сынъ проявилъ къ нашей семьѣ, потому что званіе гонца ничуть не обязывало меня къ такой учтивости. Въ Римѣ я былъ у него два раза, но не удостоился чести быть принятымъ; наконецъ, какъ и всѣ члены дипломатическаго корпуса, получилъ печатное приглашеніе пожаловать въ субботу на обѣдъ. Такъ завязались родственныя отношенія съ этимъ дядюшкой. У него многочисленная свита, а живетъ онъ во дворцѣ, лучшемъ въ городѣ.

Жена Нарышкина Кирилла недавно пріѣхала въ городъ. Она проживетъ здѣсь всю зиму.

Мнѣ остается рассказать вамъ, дорогой батюшка, о моей квартирѣ, которая очень удобна, хорошо обставлена, находится въ центрѣ города; окнами на югъ; въ виду приближенія зимы это очень важно; въ ней есть каминъ, надъ которымъ виситъ вашъ портретъ; во второмъ этажѣ. Всѣ эти удобства обходятся мнѣ 60 р. въ мѣсяць.

Столъ мнѣ ничего не стоитъ, потому что я обѣдаю у Италинскаго, когда онъ бываетъ здѣсь или у князя Гагарина. Послѣдній—человѣкъ стараго закала, и его отношенія ко мнѣ выходятъ за предѣлы тѣхъ отношеній, которыя должны быть между нами, какъ начальникомъ и подчиненнымъ.

Его жена очень милое, нѣжное существо, но она перемѣнила вѣроисповѣданіе, и этотъ шагъ показываетъ, что она не обдумывала догматовъ христіанства, что и мѣшаетъ ей быть моей героиней или кумиромъ.

Изъ римскихъ увеселеній первое мѣсто, по моему, занимаютъ маріонетки. Есть много представлений, всѣ они одинаково плохи, за исключеніемъ театра *Буратины*. Можно каждый день доставить себѣ это удовольствіе за 3 балака, то есть за 15 коп. мѣдью. Тамъ бываетъ большой и малый свѣтъ. Даются фарсы, которые могутъ уморить со смѣху. Куклы средняго роста исполняютъ комедіи, оперы и балеты такъ, что иногда забываешь, что на сценѣ двигаются маріонетки. Театръ всегда полонъ и одно и тоже представленіе повторяется четыре раза въ одинъ вечеръ.

Моя жизнь проходитъ въ занятіяхъ, прогулкахъ и послѣднемъ театральномъ представленіи—и я могъ бы сказать, что она проходитъ пріятно, если бы не неизвѣстность, въ которой я нахожусь относительно васъ, любезный мой батюшка. Не буду говорить о томъ нетерпѣніи, съ которымъ я жду отъ васъ извѣстій—потому, что оно достигло высшаго предѣла. Я буду писать вамъ при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ на примѣръ сегодня—австрійскій курьеръ ѣдетъ изъ Неаполя въ Верону.

Мое письмо пойдетъ отсюда въ Петербургъ, а братъ Мишель перешлетъ его вамъ по мѣсту назначенія.

Прилагаю сюда два портрета святого Отца, сдѣланныхъ лучшимъ итальянскимъ художникомъ. Онъ очень похожъ, говорятъ, но я еще не имѣлъ возможности самъ это провѣрить.

Пока я еще не открываю вамъ всей сокровищницы своихъ новостей, такъ какъ это не послѣднее письмо, да къ тому же и невозможно рассказать всего сразу. Поэтому пока кончаю, и прошу васъ дать это письмо всѣмъ нашимъ, такъ какъ невозможно писать всѣмъ отдѣльно. Пока могу только поцѣловать всѣхъ ихъ отъ души, отъ всей души: въ будущемъ каждый изъ нихъ получитъ отъ меня по отдѣльному письму. Я чувствую себя великолѣпно, и со дня моего отъѣзда изъ Москвы не чувствовалъ ни малѣйшаго нездоровья. Такъ ли обстоятъ дѣла съ нашими больными? Какъ себя чувствуетъ Классонъ, котораго я крѣпко цѣлую, милая тетушка, которой я цѣлую ручки, крошка Александръ, котораго я вручаю на попеченіе ангеламъ, на которыхъ онъ такъ похожъ, и Бабина, которой шлю сердечный привѣтъ. Наконецъ всѣмъ сразу, разумѣется и нянѣ Катеринѣ, которую цѣлую также, какъ и всѣхъ остальныхъ, желаю здоровья и счастья. Да пошлетъ имъ Богъ побольше шубъ, которыя мнѣ не нужны.

Что мнѣ еще прибавить, кромѣ сожалѣнія о томъ, что нахожусь въ разлукѣ съ лучшимъ изъ отцовъ?

О, я былъ бы счастливѣе, во сто кратъ счастливѣе, если бы могъ соединить всѣхъ васъ подъ этими небесами. Я не жаловался бы теперь на то, которое у меня надъ головою, если бы могъ серьезно устроиться, а мысли о женитьбѣ и о жизни вблизи васъ, дорогой батюшка, нерѣдко приходятъ мнѣ въ голову.

Сочту себя очень счастливымъ, если княгиня Куракина, снисходительно просматривая это письмо и найдя въ немъ знаки глубокаго почтенія, которое я питаю къ ней,—сдѣлаетъ мнѣ честь и милостиво приметъ его.

Передайте мое почтеніе князю Жоржу и всему его семейству. Александру, кромѣ общаго права его на мое письмо, передайте, чтобы онъ не сердился на меня, если я, задѣвая его скромность, еще разъ поблагодарю его за то, что онъ подмазалъ мнѣ колеса.

Антонина, съ фонаремъ въ рукахъ изучающая всѣ закоулки моего сердца, должна знать, что оно еще совершенно свободно, что г-жа Фикельмонтъ прекрасна, ея сестра очень хороша собой, и... я со-всѣмъ не влюбленъ.

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ. Падаю къ ногамъ Вельяминовой и шлю привѣтъ всей ея семьѣ. Прощайте же, дорогой батюшка, потому что нужно же когда нибудь распрощаться. Цѣлую вамъ руки, а также и матушкѣ, которая не захочетъ огорчить меня, подумавъ хоть на минуту, что я могу ее забыть, и не откажетъ пожелать лишь счастья.

Прошу у васъ родительскаго благословенія и остаюсь вашъ всегда покорный и послушный сынъ

Дмитрій.

Вотъ собственная моя визитная карточка.

Получено 12—24 Октября 1822 г.

Отвѣчено 21 Октября, — 2 Ноября 1822 г.

Вѣна, 30 Сентября, /12 Октября 1822 г.

Любезный Князь,

Слуга, котораго вы принуждены были оставить въ Вѣнѣ, являлся въ канцелярію Посольства,—для удостовѣренія, что онъ въ состояніи отправиться въ путь и просилъ помощи для скорѣйшаго отъѣзда къ Вамъ, любезный Князь. Сдѣлавши въ этомъ направленіи неоднократно, но, къ сожалѣнію моему, безплодныя попытки, я вынужденъ просить Васъ сообщить мнѣ о своихъ намѣреніяхъ.

Уполномочите ли Вы меня снабдить его все́мъ необходимымъ для возвращенія къ Вамъ, или же Вы захотите, чтобы онъ остался жить здѣсь? Я къ Вашимъ услугамъ, любезный Князь, но въ томъ и другомъ случаѣ я долженъ просить Васъ покрыть издержки, какъ по его переѣзду въ Римъ, такъ и на его содержаніе въ Вѣнѣ. Мнѣ уже пришлось впередъ дать ему на содержаніе нѣкоторую сумму денегъ изъ средствъ Посольства.

Соблаговолите поскорѣе отвѣтить мнѣ и примите увѣренія въ полнѣйшемъ уваженіи, въ которомъ я пребываю къ вамъ,

Любезный Князь,

Вашъ покорный слуга

С. Абрѣзковъ.

Не имѣя времени, дорогой батюшка, написать вамъ черновикъ моего отвѣта на письмо Абрѣзкова, я въ двухъ словахъ изложу его содержаніе: я вызываю Дмитрія къ себѣ и посылаю ему съ Абрѣзковымъ 100 флориновъ на дорогу.

№ II.

Старый Римъ, сего 14—26 О-бря 1822 г.

Какъ выразить вамъ, дорогой батюшка, мою радость по поводу полученія вашего письма отъ 11-го Сентября? Она была бы полной, если бы не кончины нашего добраго Классона и ребенка Антонины, требующія выраженія печали. Этотъ человекъ заслуживаетъ сожалѣ-

нія. Классонъ былъ однимъ изъ послѣднихъ хищниковъ въ нашемъ домѣ, но его образъ мыслей сдѣлалъ меньше зла, чѣмъ сдѣлало добра его чудное сердце. Его привязаность къ намъ была на столько же постоянна, насколько искренна; его убѣжденія, несмотря на ихъ ошибочность, въ конечной своей цѣли всегда были достойны похвалы. Господь приметъ его въ лоно свое, потому что чѣмъ тяжелѣе наши грѣхи, тѣмъ больше Его Милосердіе; чѣмъ больше овца блуждаетъ, тѣмъ ревностиѣ заботится о ней пастырь. И, видя брѣнность тѣла, развѣ можно повѣрить въ наказаніе за образъ мыслей?

Его смерть должна была повліять на тетушкины дѣла? Я хотѣлъ бы знать подробности послѣднихъ часовъ его жизни.

Малютка моей сестры былъ очень плохъ уже во время моего пребыванія въ деревнѣ у Новикова. Не нужно жалѣть о дѣтяхъ, потому что, зная объ ожидающей ихъ судьбѣ, мы должны только сочувствовать горю потерявшихъ ихъ, и конечно моя милая Антонина не будетъ сомнѣваться въ томъ, что я искренно горевалъ, получивъ это печальное извѣстіе.

Я очень огорченъ, дорогой батюшка, что мнѣ такъ рѣдко приходится вамъ писать. Но я не довѣряю своихъ писемъ почтѣ, потому что избѣгаю всего, что могло бы поставить меня въ непріятное положеніе, даже въ семейныхъ отношеніяхъ, я стараюсь воспользоваться отправкою гонцовъ, что, къ сожалѣнію, случается очень рѣдко. Чтобы хоть немного вознаградить себя, я стараюсь, чтобы каждое мое письмо было по возможности подробнѣе, и въ одномъ стараюсь соединить все, что я могъ бы сказать въ нѣсколькихъ.

Италинскій благополучно возвратился съ Веронскаго конгресса. Императоръ милостиво отмѣтилъ его, но ни философія, ни ученость не защитили его отъ придворныхъ интригъ. Его ходатайство за меня въ Министерствѣ осталось безъ послѣдствій. Мнѣ остается ждать слѣдующаго случая, а пока я возвращаюсь въ суровую жизненную школу, получивъ добрый совѣтъ не дѣлать долговъ. Тѣмъ не менѣе я далекъ отъ того, чтобы жаловаться на судьбу. Скромно воспитанный, я часто благодарилъ Небо за то, что оно не дало мнѣ большихъ средствъ, потому что богатство часто портитъ людей, что, конечно, случилось бы и со мной, если бы я очутился въ числѣ ихъ. Я скорѣе любимецъ Небесъ: моей душѣ доступно наслажденіе жизнью въ странѣ, которую,

какъ говорить въ одномъ изъ своихъ писемъ братъ Мишель, можно назвать любимымъ дѣтищемъ Небесъ; воздухъ, который я медленно вдыхаю, полезенъ для моего здоровья, и въ тоже время я завожу знакомства, въ которыхъ судьба отказываетъ многимъ. Наконецъ, все мое пребываніе въ Италиі, развѣ это не прекрасный сонъ, осуществившійся для меня.

Разница между Константинополемъ и Римомъ, мои старыя занятія, все наводитъ меня на глубокія размышленія. Янычарь и монахъ, крестъ и полумѣсяцъ, Библия и Коранъ, все это предметы, располагающія къ мечтательности: счастливъ тотъ, кто въ концѣ концовъ будетъ доволенъ собой. Ни одинъ городъ не вызываетъ столько сомнѣній и не даетъ такъ мало религіозныхъ настроеній, какъ Римъ, потому что лицемѣріе неразлучно съ бородой монаха: отсюда и сомнѣнія, и недовѣріе и тысячи другихъ чувствъ, противныхъ христіанству.

Въ глубинѣ души я очень доволенъ своей жизнью. Я почти каждый день обѣдаю у Италинскаго, который постоянно говоритъ съ нами о наукѣ и искусствахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ вамъ, я имѣлъ возможность лучше познакомиться съ Римомъ и его обществомъ. У французскаго и австрійскаго посланника назначены пріемные дни. Одинъ—герцогъ Лаваль де Монморанси, глухъ, близорукъ и заикается. Другой—графъ д'Аккони.

„Эти общества настоящія точила“. Всѣ римскія собранія состоятъ изъ какой нибудь одной націи: только англичане, какъ ревущій потокъ, врываются во всѣ дома. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего забавнѣе англичанина, разгоняющаго толпу въ гостинной, въ сопровожденіи двухъ дамъ, которыхъ онъ крѣпко держитъ за руки; онъ кланяется животомъ, сгибая ноги, въ то время какъ дамы только слегка киваютъ головой. Сливки римскаго общества все таки составляютъ иностранцы, и въ этомъ отношеніи римскія собранія одни изъ самыхъ блестящихъ въ мірѣ.

Въ Римѣ можно встрѣтить всѣхъ людей, прославившихся въ Европѣ, и наблюдать ихъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, потому что здѣсь министръ оставляетъ свою спѣсь, а ученый—свой педантизмъ.

Прусскій король съ двумя младшими сыновьями пробылъ здѣсь двѣ недѣли. По этому случаю австрійскій посланникъ далъ балъ, и это

былъ мой первый балъ съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Россіи. Въ Римѣ нѣтъ ни одной хорошей танцорки. Во время бала былъ фейерверкъ въ замкѣ св. Ангела, а куполь собора св. Петра былъ иллюминованъ. Первая иллюминація устроена при помощи простыхъ плашекъ, дѣлающихъ соборъ похожимъ на рисунокъ проколотый булавами: необычайные размѣры этого зданія не позволяютъ явственно различать свѣтлыя точки. Вторая выполняется при помощи блюдечекъ, наполненныхъ горючими веществами. Тогда кажется, что базилика вся въ огнѣ, а отблескъ виденъ далеко въ городѣ. Я ходилъ подъ сводами съ огромныхъ колоннадъ, и видѣлъ лампы, подвѣшенныя между колоннами, и долго любовался разнообразной игрой свѣта; два средніе фонтана казались мнѣ призраками, а равномерный шумъ падающей воды наполнялъ грустью мою душу. Нѣтъ! ни одна страна не можетъ быть дѣйствительно прекрасной безъ друзей!

Итальянцы изощрились въ приготовленіи фейерверковъ.—Тибръ, на берегу котораго возвышается могила Адриана, нинѣ замокъ св. Ангела, похожъ больше на ручей, чѣмъ на рѣку. Воды его быстры и мутны, а русло маленькое и дикое. Берега его усеяны дворцами, развалинами и бѣдными хижинами, основанія которыхъ находятся въ водѣ. Теченіе его неровно, и потому иногда получаютъ необыкновенно живописныя виды, а блескъ солнца, которое, то освѣщаетъ знаменитые берега, то погружаетъ ихъ въ мракъ, дѣлаетъ это зрѣлище восхитительнымъ.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ Римъ, не въ его пользу. Этотъ городъ правится по мѣрѣ того, какъ вы проживете въ немъ нѣкоторое время. Улицы въ Римѣ грязныя и очень узкія.

Самыя лучшія памятники архитектуры, какъ древней, такъ и новой, застроены множествомъ зданій и поэтому теряются въ общей массѣ построекъ, а въ отдѣльности они могли бы произвести сильное впечатлѣніе. Нѣтъ почти ни одной улицы безъ фонтана, и ни одного фонтана съ хорошей водой. Одна изъ великолѣпнѣйшихъ древнихъ построекъ, Пантеонъ, окруженъ рыбнымъ рынкомъ. Трудно повѣрить, до какой степени много нечистотъ разложено передъ этимъ чуднымъ произведеніемъ искусства прошлыхъ вѣковъ, и до чего на это противно смотрѣть.

Что въ Римѣ особенно достойно восхищенія, такъ это соборъ св. Петра, занимающій первое мѣсто среди новыхъ построекъ. Его вну-

тряннiя помѣщенiя огромны, и кажется, что онъ построенъ не столько во славу Божiю, сколько ради царскаго тщеславiя. Онъ полонъ золота и мрамора, всѣхъ цвѣтовъ и во всѣхъ видахъ. Этотъ соборъ больше похожъ на музей, чѣмъ на храмъ. Тамъ есть мозаики, составленныя по знаменитымъ образцамъ и огромныхъ размѣровъ статуи, изображающiя папъ и исполненныя великими мастерами. Никакое описанiе не въ силахъ передать восторгъ, который испытываешь при видѣ этого храма. Органъ едва слышенъ, и сколько бы ни было народу, никогда не бываетъ тѣсно. Нашъ Казанскiй соборъ въ Петербургѣ, ничуть не похожiй на соборъ св. Петра, не составитъ и пятой части его.

Прекраснѣйшiй памятникъ древности въ Римѣ — несомнѣнно Колизей. Есть громадныя дворцы, всѣ построенныя изъ его обломковъ; его колонны терли въ порошокъ для приготовленiя цемента, и несмотря на это большая часть его еще существуетъ и не перестаетъ приводить въ восторгъ современныхъ художниковъ. Тамъ то львы и тигры терзали первыхъ христанъ, а римляне тѣшились проклятымъ зрѣлищемъ. Теперь его украшаютъ кресты и часовни, мрачная тишина благочестiя смѣнила святотатственную радость древнихъ.

Сравнивая то время съ нашимъ, нельзя не признать благотворнаго влiянiя Евангелiя, смягчившаго дикiе нравы, потому что „для того, чтобы псы пожирали христанъ, ихъ одѣвали въ звѣриныя шкуры; ихъ распинали на крестахъ; ихъ обливали смолой и зажигали, чтобы сдѣлать изъ нихъ факелы“.

Отъ Капитолiя не осталось никакихъ слѣдовъ. Теперь это небольшой четырехугольникъ, посреди котораго находится великолѣпная конная статуя Марка Аврелiя, и если вы хотите знать археологическiя подробности, дорогой батюшка, я скажу вамъ, что внутри она пустая, а ея поверхность была когда то позолочена. На перилахъ лѣстницы, ведущей отъ Капитолiя на улицу, находятся другiя огромныя статуи, и между прочими — трофеи Марiя. Вотъ какъ проходитъ все! Не осталось ни одного изъ славныхъ римлянъ! Тщетны бесѣды съ этими памятниками: дѣла остались, а творца нѣтъ. Черезъ всѣ эти огромныя зданiя, черезъ Колизей, Пантеонъ прошли тысячи людей, называемыхъ *народомъ*. Въ отдѣльныхъ *чертахъ* видны слѣды величiя, благородства, печать генiальности, но гдѣ же самъ человекъ? Вамъ скажутъ — оста-

лась исторія, читайте ее, но кто же не знаетъ, что чужой опытъ, то единственное, что оставляютъ намъ въ наслѣдство умершіе, и откуда мы должны бы черпать мудрость, есть только картина, которой мы любуемся издали, въ часы досуга, и что каждое столѣтіе даетъ новый опытъ и порождаетъ новые характеры.

